

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ УРАЛА СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

С.В. Голикова

По этнографическим материалам охарактеризован похоронный обряд на дореволюционном Урале. Разнообразие его локальных вариантов свидетельствует скорее о том, что погребальный ритуал подвергался непрерывным изменениям, чем о его стабильности.

Похоронный ритуал, переходный обряд, локальная традиция, религиозные представления.

Знание о погребальных ритуалах, представленное в общих работах по этнографии русских (см.: [Кремлева, 2005]), зависит от степени изученности регионов их проживания, которая пока недостаточна. В частности, по обширному уральскому краю нет специального исследования, хотя этнографические описания, материалы, заметки, позволяющие это сделать, в массовом порядке появляются здесь с середины XIX в. В нашей статье предпринята попытка дать инвариант похорон, бытовавший на территории дореволюционного Урала.

Ритуальные действия начинались с манипуляций над трупом. Если у покойника не закрывались глаза, то в целях предосторожности (чтобы он не увидел кого-либо из живых и не увел с собой) на них клали копейку [Стяжкин, 1928, с. 132]. В Малмыжском уезде Вятской губернии с умершего никогда не снимали рубашку через голову, а раздирали ее вдоль тела. После этого обмывали тело водою и «наряжали» в новое чистое белье [Осокин, 1856, с. 82]. В Слободском уезде этой губернии покойника мыли на лавке, подстелив под нее солому и подставив стиральное корыто, в которое стекала вода [Полушкина, 1892, с. 250–251]. «Погребальное одеяние» было новым, праздничным, лучшим. В Чердыни девушку «на тот свет» наряжали как невесту и весь гроб убирали цветами [Корнаухов, 1848, с. 57]. В Киргинской слободе Ирбитского уезда Пермской губернии умерших одевали в ту одежду, «которую они более любили носить» [Удинцев, 1866, с. 403]. В Стряпунинской волости Оханского уезда этой губернии хоронили в лаптях, причем онучи наворачивали в обратную сторону — справа налево. Поверх одежды надевался саван или тело покрывалось большим изгребным холстом [Серебрянников, 1918, с. 3]. Покойников также опоясывали большим нитяным поясом, обертывали их ноги холщовыми тряпками и завязывали нитками [ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 1611, л. 3]. «В простонародье,— пояснял А. Кривошеков такие действия оренбургских казаков,— у каждого умершего связывают руки и ноги нитками, чтобы они не расходились» [1913, с. 47–48]. В горнозаводских районах женские смертные рубахи кроились без шва на плечах [ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 458, л. 4]. Здесь был распространен обычай хоронить в лаптях, у православных Невьянского завода также в «калишках» — суконных или вязанных из плотных нитей тапочках [ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 575, л. 30; Крупянская, Полищук, 1971, с. 83–84]. В Ирбитском заводе обращали внимание на материал, из которого был изготовлен надетый на покойного крест. Следили, чтобы он был непременно медным [Удинцев, 1862, с. 400].

Близкие покойного были озабочены приготовлением для него гроба и могилы. В Малмыжском уезде Вятской губернии они «хлопотали» только о том, чтобы гроб не «развалился» до могилы, поэтому делали его «как попало» [Осокин, 1856, с. 82]. В с. Песчанском Верхнетеченской волости Шадринского уезда Пермской губернии щепу и куски дерева, оставшиеся от изготовления гроба, вывозили вместе с навозом за селение [АГО, ф. 29, оп. 1, ф. 12, л. 7 об.]. Запрет — не сжигать в печи стружки от гроба, а бросать их «на волю» — объясняли тем, что покойнику будет от них на том свете жарко [Моллесон, 1869, с. 7]. В Горском приходе Осинского уезда той же губернии считали грехом топить печку таким «щепьем» и выносили его в поле [Шишонко, 1884б, с. 156]. В Стряпунинской волости Оханского уезда «отходы производства» уносили в лес [Серебрянников, 1918, с. 4]. В с. Исаево Оренбургской губернии считали необходимым рыть могилу в день похорон, а не оставлять ее готовую на ночь, чтобы «сатана не завел там гнезда» [Малмецкий, 1873, с. 232]. «Копальш(щ)икам» могилы и «плакальш(щ)ицам» в Стряпунинской волости платили деньги и дарили что-нибудь из вещей умершего: рубашку, платок. В Киргинской слободе Ирбитского уезда Пермской губернии с копавшими могилу и делав-

шими гроб рассчитывались обязательно вином, а не деньгами [Удинцев, 1866, с. 403]. В Слободском уезде Вятской губернии домашние мастерили «домовище» сами, сбивая толстые доски большими гвоздями. Туда настилали листьев от березовых веников, «в голову» с приговором: «Любил ведь покойный попариться-то!» — клали целый веник. Листву застилали холстом. В изголовье полагалась холщовая подушка, набитая изгребями и волосами, вычесанными с головы покойного во время обмывания. Уложенное в гроб тело одевали покровом [Полушкина, 1892, с. 251]. С момента «положения во гроб» над покойным произносили погребальные молитвы (каноны или псалтырь), ведь его душа проходила страшные мытарства. Поскольку на мертвого «посягали черти и связанные с ними люди», то бдение не прекращалось и ночью. В Стряпунинской волости Оханского уезда собирали «ученых» — «хорошо грамотных лиц из народа, приглашаемых на моления для пения и чтения», — которые читали над умершим псалтырь, сопровождая чтение также пением [Серебрянников, 1918, с. 3].

«Умершего обыкновенно стараются спрятать в день его смерти», — с удивлением писал М.И. Осокин о порядках в Малмыжском уезде Вятской губернии. «Прежде, говорят, бывало, — продолжал он, — крестьянин оставит покойника на паперти или даже на улице, если священник, не согласится похоронить его в день его смерти, и после ни за что бывало, не явится к погребению» [Осокин, 1856, с. 82]. Такое «варварское обыкновение» возникло, вероятно, под влиянием мусульман. Суеверие: «В ночь душу покойника черт непременно задавит в церкви, если тело его не будет похоронено прежде захождения солнца» — весьма похоже на положения ислама [Полушкина, 1892, с. 251–253]. В Слободском уезде Вятской губернии мертвое тело оставляли в доме также «недолго: полсутки, много уж сутки». Родные и знакомые приходили проститься, собирались желающие проводить умершего. В деревне проводы и прощание происходили быстро: гроб выносили из избы, ставили на телегу или сани и везли в село, отпевать в храме [Там же, с. 252]. Перед выносом гроб в Стряпунинской волости Пермской губернии ставили на середину избы и падали мертвому три раза «в ноги», произнося при этом: «прости ми(е)ня, раб Божий». К «прощанию» была приурочена раздача денег и вещей покойного «в знак памяти». Их подавали через тело усопшего, а затем садились обедать. На обеде старший из «ученых» сидел в переднем углу, разговор шел о добрых делах покойного и о грехах «вообще», родственники же непременно «по солнцу» раздавали «ученым» деньги. После обеда отвозили покойника в церковь. Гроб выносили, держа в руках свечи [Серебрянников, 1918, с. 3]. При выносе гроба в с. Мурзинском Верхотурского уезда этой губернии «тотчас» на несколько минут затворяли дверь той комнаты, где лежал покойный [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 13, л. 3]. В с. Спасобардинском Кунгурского уезда также на короткое время затворяли всех домашних или хотя бы кого-то одного из них. Основа действий охранительная — чтобы только покойник уходил из дома вон, а все прочие оставались живыми и здоровыми. Чтобы не бояться мертвеца, советовали сесть на место, где он обычно сидел при жизни [Там же, д. 12, л. 7 об.]. С аналогичной целью старались «пощупать» ноги умершего [Попов, 1880, с. 59]. В Слободском уезде Вятской губернии это действие приурочивали к последнему прощанию: «Обходя вокруг гроба, некоторые трогали покойника за ноги для того, чтобы не бояться потом» [Полушкина, 1892, с. 254].

При выносе гроба в Верхне-Уфалейском заводе Пермской губернии первому встречному подавалась холстина, которой была прикрыта грудь умершего. Эта «первая милостыня» должна была «встретить усопшаго и много помочь ему на другом свете» [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 19, л. 3]. В Холунитском заводе Вятской губернии первый человек, повстречавшийся похоронной процессии, получал полотняный сверток, в котором находились деньги, пожертвованные при прощании с умершим. Ранее полотно расстилали на столе в его доме, и проходящие оставляли там монеты [Полушкина, 1892, с. 251]. В Зюздинском крае Глазовского уезда этой губернии для транспортировки покойников использовали исключительно дровни. «Когда стоит грязь, — сообщал очевидец, — то дровни тащатся довольно легко, но в сухое время пара лошадей едва тянет печальный груз из дома до церкви и потом на кладбище» [Штейнфельд, 1892, с. 287]. На гроб мог садиться кто-то из близких родственников покойного (обязательно в шапке) и «проводничивал» [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 12, л. 7 об.]. П.С. Богословский отмечал, что если умирал мужчина, то на его гроб могли сесть дети, но жена ни под каким видом не должна была этого делать, а муж мог садиться на гроб умершей жены [1924, с. 74]. В Малмыжском уезде Вятской губернии гроб «вез к церкви кто-нибудь из домашних» [Осокин, 1856, с. 82]. На нем мог сидеть любой член семьи: отец, мать, жена, сын, дочь. Таким же образом поступали «проводчатые» из обрусевших пермяков [Шшонко, 1884а, с. 613].

О звоне по покойному сообщали в 1848 г. из Богословского завода. В Дедюхинском заводе первым делом «о всяком покойнике от однодневного младенца, до столетнего старца, кроме нищих, не могших дать церковникам 6 копеек серебром», также звонили в колокола. Услышав звон, народ считал нужным отправиться в дом усопшего на первую панихиду [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 22, л. 4; Петухов, 1864, с. 119]. «Печальный» звон колоколов разносился при вносе гроба в церкви Слободского уезда Вятской губернии. Хотя бедняков, как и дедюхинских нищих, провожали в «земное жилище» тихо, уныло, без звона. Скорбная деревенская процессия здесь обычно останавливалась в 100 сажнях от сельской церкви, оттуда приносили образа и «одр», на который ставили гроб, приходил священник с причтом и служил над умершим литию. Уже в храме «кругом» гроба ставили свечи и во время обедни «присутствующие усердно молились о упокоении души новопреставленного» [Полушкина, 1892, с. 252]. В селе Сунском этого уезда церковному сторожу вручали каравай хлеба. «Без чего,— замечал очевидец,— и покойника-то возить не водится» [Там же]. В селе Саратовка Оренбургской губернии священнику и дьякону дарили по полотенцу, «а прочим лицам, которые несут самого покойника или иконы и проч/ее/, дается по платку». «Само собою разумеется,— отмечал наблюдатель,— что достоинство подобного рода подарков на память зависит от того достатка, в каком жил покойник».

«...Саратовцы,— сообщал В. Покровский,— придают великое значение молитве целым обществом, миром, и такая общественная молитва считается по их понятиям особенно приличной и необходимой в случаях смерти одного из членов общины сельской». «Останавливаюсь на этом факте вот почему,— пояснял далее он. — Так называемые разные интеллигентные люди, время от времени посещавшие нашу саратовскую церковь, все без исключения были удивлены подобного рода обстоятельством и недоумевали, зачем это частные лица поминаются целым обществом». И заявлял: «Это совершается самим обществом, по его желанию и понятию, без постороннего влияния» [Покровский, 1905, с. 335]. В Кисловской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии в начале XX в. на похороны собирались жители, «если не всей деревни, то улицы обыкновенно уже всегда». Прощаясь с покойным, целовали его в лоб и губы [Шагов, 1914, с. 512]. В Рождественской волости Соликамского уезда этой губернии общинная солидарность проявлялось в том, что «каждый совершенно безвозмездно старался помочь, чем может», родственникам пережить потерю близкого человека [Волочнев, 1890, с. 132]. В Слободском уезде Вятской губернии также «много народа собиралось на похороны: близкая и даже вся дальняя, очень дальняя родня и близкие знакомые покойного не отказываются отдать ему последний долг». Все родственники и «званные» привозили «семейным» умершего «стряпню» [Полушкина, 1892, с. 252].

Подчеркивалась и сплоченность половозрастной группы: провожать «молодую или пожилую девушку» в Чердыни собиралось множество девиц, «часто и совсем не знавших усопшей». Они несли гроб и крышку от него из дома до кладбища. После похорон родственники покойной раздавали им на память «красоты» — «ленты, как на свадьбе» [Корнауков, 1848, с. 57–58]. В сельской местности Камышловского уезда молодые участницы похорон получали в качестве памятного подарка цветы, носовые или головные ситцевые платки [Стяжкин, 1828, с. 133]. В Добрянском заводе также существовал «замечательный обычай сопровождать похоронное шествие умершей молодой девицы хором девиц из близких ее знакомых от 15 до 20 лет». Они исполняли «что-то среднее между похоронным причтанием и свадебной песней», а гроб был густо увешан лентами «всевозможных цветов» [Похоронные песни..., 1888, с. 275]. На общем фоне похороны в Малмыжском уезде Вятской губернии выглядели как «дурной обычай». Они не были коллективным действием: процессии здесь не предусматривалось. «Для того, чтоб вынести покойника из экипажа в церковь и из церкви обратно, чтоб на кладбище донести гроб от телеги до могилы и спустить его туда, один из родственников покойника обыкновенно нанимает себе на подмогу двух-трех беднейших крестьян, живущих близ погоста, и то, разумеется, только в случае, если гроб будет большой и одному или двоим с ним не справиться»,— сообщал М.И. Осокин. «...Никак не более двух-трех человек из дому присутствуют при погребении усопшего. Родственники покойного не считают обязанностью помолиться об упокоении души его при погребении тела»,— с удивлением констатировал он [Осокин, 1856, с. 82].

При окончании «отпетия» в Слободском уезде «все присутствующие прикладывались сначала к образу, принесенному из дома с покойником, потом прощались в последний раз» с ним. Священник читал разрешительную молитву, клал ее в руки умершего, и того закрывали покровом. Если предварительно проводился обряд соборования, то дополнительно на покров «кре-

Похоронные обряды русских Урала середины XIX — начала XX в.

стообразно» лили масло и «посыпали землей». Под пение «трисвятого» гроб выносили из церкви, сопровождавшие «вслед ему кланялись в землю» [Полушкина, 1892, с. 254]. В Чердыни «по принесении» мертвого тела в церковь каждый провожающий ставил от себя на гроб свечу, полагая, «будто бы умерший и сам после встретит их также со свечей». После выноса из церкви гроб с покойным без остановки несли до кладбища [Корнауков, 1848, с. 58]. В момент закрытия гроба туда клали горевшие в руках при отпевании свечи. Жители Березовского завода верили, что «с этими светильниками покойник выйдет навстречу Христу при втором пришествии». При опускании гроба в могилу совершали обряд «последней разлуки» — близкие и родные бросали в могилу носовые платки [Топорков, 1881, с. 308]. В Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии гроб спускали на мочалах, которые оставляли в могиле. Каждый из присутствующих бросал в могилу несколько лопат земли. Немного земли забирали домой, чтобы не бояться потом покойного [Серебрянников, 1918, с. 3]. В с. Спасобардинском Кунгурского уезда этой губернии всем присутствующим при погребении в виде милостыни раздавали деньги, иногда по медному гривеннику, «дабы от души помолился богу всяк о упокоении усопшего в вечности блаженной» [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 75, л. 7]. И.Я. Стяжкин также сообщает, что «оставшиеся после покойника вещи, обыкновенно, рубахи, штаны, юбки, шали», дарили родственникам «для помина» [1928, с. 133]. У обрусевших пермяков было принято оставлять на кладбище и дровни. В Зюздинском крае Вятской губернии имелось поверье, что «дровни, на которых везли покойника, уже не могут быть никуда употребляемы, почему их всегда и бросали неподалеку» от погоста [Шিশонко, 1884а, с. 613; Штейнфельд, 1892, с. 287–288].

После погребения совершалось очищение помещения, в котором находился покойник, и людей, принимавших участие в похоронах. В избе мыли полы, полаты, лавки, стены [Осокин, 1856, с. 82]. В с. Мурзинском Верхотурского уезда Пермской губернии оставшиеся дома еще раньше (во время похорон) обязаны были вымыть пол [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 13, л. 3]. В Слободском уезде Вятской губернии это делали «тотчас» после проводов покойника [Полушкина, 1892, с. 252]. Все домохозяева должны были вымыться в бане, в крайнем случае — умыться, чтобы не тосковать по усопшему [Попов, 1880, с. 59]. Если в доме имелось двое дверей, то людей с похорон впускали в те, из которых не выносили гроб [Стяжкин, 1928, с. 132]. В обрядовых действиях, направленных на то, чтобы покойник не «блзнил» и не звал с собой, большую роль играла печь. В нее велели заглянуть провожатым усопшего, говоря, что в щель печи выпал кирпич [ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 756, л. 851]. «Сетующему об умершем» натирали грудь землей с могилы [АГО, ф. 29, оп. 1, д. 12, л. 7 об.].

Погребальные ритуалы считаются с трудом поддающимися изменениям, поэтому наиболее устойчивыми среди семейных переходных обрядов. Уральская региональная традиция наряду с гомогенностью выявляет широкую географическую изменчивость и вариативность даже мелких деталей похорон. Территориальное разнообразие как результат и залог изменений во времени вызывает сомнения в незыблемости похоронной обрядности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богословский П.С.* Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Перм. краевед. сб. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 74–80.
- Волочнев П.* Пушкирская сельская поземельная община Рождественской волости Соликамского уезда // Сб. Перм. земства. 1890. № 3. С. 111–133.
- Корнауков Н.* Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии // Отеч. зап. 1848. № 3. Отд. 8. С. 49–58.
- Кремлева И.А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. Сер. Народы и культуры. М.: Наука, 2005. С. 517–532.
- Кривошеков А.* Поверья и предрассудки у оренбургских казаков // Вестн. Оренб. учеб. округа. 1913. № 2.
- Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971. 288 с.
- Малмецкий В.* Село Исаево // Оренб. епарх. ведомости. 1873. № 6.
- Моллесон И.* Очерк народной медицины в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. № 4. Отд. 3.
- Осокин М.И.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 59. Отд. Смесь.
- Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864.

С.В. Голикова

Полушкина А.Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда: (Этнографический очерк). Изд. под ред. И.М. Софийского // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. Отд. 2.

Покровский В. Село Саратовка: (Материалы для историко-статистического описание приходов Илецкой линии Оренбургской губернии и уезда) // Оренб. епарх. ведомости. 1905. № 9.

Попов В.А. Предрассудки и суеверия в Пермском уезде // Перм. губерн. ведомости. 1880. № 13.

Похоронные песни Добрянского завода // Перм. губерн. ведомости. 1888. № 70.

Серебрянников В. Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Стряпунинской волости, Оханского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1918.

Стяжкин И.Я. Из камышловских этнографических наблюдений // Перм. краевед. сб. Пермь, 1928. Вып. 4.

Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Перм. епарх. ведомости. 1881. № 27.

Удинцев И. Ирбитский завод // Перм. губерн. ведомости. 1862. № 28.

Удинцев И. Заметки о Киргинской слободе // Перм. губерн. ведомости. 1866. № 99.

Шагов А.М. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884а.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Четвертый период. Пермь, 1884б.

Штейнфельд Н.П. Зюздинский край (Глазовского уезда) // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. Отд. 2.

Источники

Пермская губерния // АГО. Ф. 29.

Екатеринбургский уездный суд // ГАСО. Ф. 12.

Уральское общество любителей естествознания // ГАСО. Ф. 101.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
avokilog@mail.ru

Basing on ethnographic data, the article describes a funeral rite in the pre-revolutionary Urals. The diversity of its local variants testifies rather to the fact that the funeral ritual was subject to constant changes, than to its stable nature.

Funeral ritual, transitional rite, local traditions, religious notions.